

Принцесса грёз

✧ Светлана Лукевич ✧

Светлана Анатольевна Лубенец

Принцесса грез

Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6504521

Принцесса грез : повесть / Светлана Лубенец; Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64512-1

Аннотация

Алена нравилась мальчикам, но редко обращала на них внимание – ей были интересны лишь прекрасные герои, которых проще выдумать, чем встретить на дискотеке или в школе. Эмоциональная и мечтательная, она жила в своем воображаемом мире... Пока однажды не увлеклась реальным парнем, который остался к ней совершенно равнодушен. В сердце Алены поселилась пустота. Теперь девушка боится только одного: вдруг она больше никогда ни в кого не влюбится?!

Содержание

1. Начать с белого листа	5
2. Виртуальный санаторий	18
3. Заплыв века	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Светлана Лубенец

Принцесса грез

© Лубенец С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Посвящается
Алене Поликарповой*

1. Начать с белого листа

Номер, который заняла Алена, был маленький, но в нем поместилось все, что нужно: и двустворчатый шкаф, и мягкое кресло, и тумба с телевизором, и даже компьютерный стол с крутящимся стулом, куда девочка тут же опустила сумку с ноутбуком. Напротив огромного, от пола до потолка, французского окна стояла деревянная кровать, застеленная нежно-желтым, как хорошее сливочное масло, покрывалом. Оно было простегано маленькими ромбиками, похожими на соты, мягкими на ощупь. Алена сразу улеглась на кровать и опустила лицо в мяготь желтых сот. Хорошо. Ей понравился запах покрывала. Так пахнет лавандовое мыло, которое любит мама. Говорят, лаванда успокаивает. Это то, что Алене сейчас так необходимо. Хотя... что может какое-то лавандовое покрывало?

...Когда Каринка прочитала всему классу Аленино письмо Антону Шалевичу, не помогли даже доктора. Алена бежала от школы до дома два квартала в мороз без куртки, расталкивая прохожих и рыдая в голос. Несколько раз ее пытались остановить добренькие тетеньки, но не остановила бы и кирпичная стена. Она одним махом перелетела бы ее или просто прошла бы насквозь.

Нет, Алена не заболела воспалением легких. У нее даже

обычной простуды не было. Но она не могла унять слез весь оставшийся день и всю ночь. Она смотрела на себя как бы со стороны и не могла понять, откуда в ней столько влаги? Неужели она изойдет ею и исчезнет с лица земли? Удивительно, но собственное исчезновение ее тогда ничуть не пугало. Наоборот, Алена очень хотела этого.

Мама бегала вокруг нее со стаканом воды. Удушливо пахло валерьянкой, которую она безуспешно пыталась влить в кривящийся рот дочери, но только напрасно расплескала. Папа, видимо, находился где-то рядом, потому что сквозь мамины причитания до Алены доносилось его «бу-бу-бу». Несмотря на свое безутешное горе, она смогла даже удивиться тому, как он умудрился при своем могучем басы говорить таким неясным шепотом.

Потом около Алены засуетились люди в медицинских халатах и шапочках со странно размытыми лицами. Они хотели поставить капельницу, но ее рука так билась о край постели, что эту затею вынуждены были оставить. Укололи в мышцу. Алена слышала, как нелепый голубоватый шар сказал: «Через двадцать минут заснет», – но она не заснула. Да и как можно было заснуть, когда в ее голове в сотый раз, как надоевший кинофильм, прокручивалось одно и то же: Каринка вытаскивает из кармана джинсов смятый лист бумаги и читает, читает... В воспаленном мозгу Алены некоторые слова терялись, другие перескакивали с места на место, но обмануть это ее не могло. Еще бы – она же знала свое письмо

наизусть. «Я люблю тебя, Антон...» – да, именно так она начала свое письмо. К чему всякие подготовительные предложения, если она хотела написать именно о любви? Еще писала о том, что любовь заполнила ее всю. Каждая клеточка ее тела изнемогала от любви. Каринка прошла и по этому выражению: «Представьте, у нашей Аленушки даже клетки носа и ушей влюблены в Шалевича! Я не говорю уж...» Она больше ничего не добавила, но одноклассники и так все прекрасно поняли, и ее слова утонули в дружном ржании.

Если бы Алена знала электронный адрес Шалевича, она и письмо послала бы по электронной почте. Но она его не знала, поэтому написала свое признание на листке бумаги в клеточку обыкновенной шариковой ручкой. Не написать письма Алена не могла, потому что была уверена: Антон должен узнать о ее любви. Ведь если он не узнает об этом, то потом ни за что не простит ей этого. Никто и никогда не сможет любить его так, как она, Алена. Но Шалевич не должен был узнать о ее чувстве таким образом, посреди класса, замусоренного жеваными бумажками, которыми парни обстреливали друг друга из пластиковых трубочек от шариковых ручек. Аленыны слова были не для всех. Только для него... одного...

Заснула Алена лишь под утро, изнуренная рыданиями до такой степени, что даже не заметила перехода в сон. Он не дал ей отдыха, потому что и во сне Каринка все читала и читала письмо Шалевичу. Удивительно, но она читала не толь-

ко то, что там было написано, но и то, что осталось в душе Алены невысказанным. И в собственном сне девочка снова плакала оттого, что не смогла написать этого в письме. Ведь если бы эти слова были там написаны, Каринка никогда не посмела бы их прочитать... Впрочем, сейчас уже ясно, что она посмела бы все.

Утром Алена не смогла толком открыть глаза. Из зеркала на нее смотрела странная особа с лицом, похожим на кусок сырого теста с двумя хорошо разваренными пельменями вместо глаз. Из узеньких щелочек чуть посверкивали зрачки.

– В таком виде нельзя идти в школу, – сказала мама, вглядываясь в опухшее лицо дочери.

Алена в школу и не собиралась. После того что случилось, она вообще никогда больше не пойдет в эту школу, хоть ее режьте на куски. Ведь если она придет, то Антон...

Девочка вздрогнула, а глаза приоткрылись шире. Странно, но, когда она подумала о Шалевиче, сердце ее не забилося в груди пленной птицей, как это бывало раньше. Почему же? Последнее время она жила этой любовью, питалась ею, лелея в мечтах тот миг, когда расскажет о ней Антону. А теперь вдруг в ее душе – пустота... Неужели за сутки рева она выплакала всю свою любовь? Разве так бывает? Разве любовь поселяется в сердце не навсегда? А если так, то зачем она нужна? Зачем так мучит и не дает заснуть?

Алена поняла, что огорчена исчезновением любви еще больше, чем гнусной выходкой Каринки. Опять захотелось

заплакать. Она с трудом удержалась. Если она проплачет еще день, кожа на лице просто лопнет от избытка влаги, а глаза не откроются уже и вовсе.

Сквозь щелки век Алена с омерзением оглядела свою отекающую физиономию. Интересно, когда лицо придет в норму? А вдруг никогда не придет? Вдруг это плата за ту сумасшедшую любовь, которую она испытывала к Антону? Она ведь была счастлива ею. Теперь пришла расплата. Неужели так бывает всегда?

Алена попыталась пальцами приподнять толстые веки. Сверкнула зеленоватая радужка и снова спряталась за набухшими складками. Да, у нее зеленые глаза! Отец говорит, как у русалки. А еще они почти круглой формы, а потому всегда будто чему-то удивлены. Сейчас ресниц почти не видно, а обычно они обрамляют Аленыны глаза, словно елочки лесные озера. Это сравнение тоже выдумал отец, и Алена ему верила. Даже тушь для ресниц покупала с зеленоватым оттенком.

Девочка опустила глаза ниже. То, что торчало посреди лица отвратительной сизой сливой, трудно было назвать носом, поэтому Алена не стала задерживать на нем взгляд, а сразу посмотрела на губы. Да-а-а... Это были не губы. Больше всего они походили на две вареные сосиски. Коротенькие такие, для детского питания. Вообще-то у Алены потрясающие губы. Ни у кого таких нет. У других девчонок какие губы? Пухлые, розовые, гладкие. А у Алены – очень бледные, все

в тонких вертикальных алых морщиночках и красиво очерченные. Кажется, будто рот нарисован на ее лице специальным карандашом для губ. Сейчас, правда, никаких морщинок не видно... Оно и понятно. Какие морщиночки на сосисках?

Алена в огорчении тряхнула головой. Легкие пушистые волосы взметнулись над головой и опять улеглись на свое место. Они, волосы, у нее короткие. Алена всегда сама кромсала их ножницами как попало, когда излишне отрастали. Такое легкомысленное отношение к стрижке ей нисколько не вредило. Волосы слегка вились и, остриженные на разную длину, очень стильно смотрелись и красиво обрамляли лицо. Одноклассницы думали, что Алена стрижется в каком-то навороченном салоне у элитного мастера. Ей было смешно. Видели бы они ее в процессе изготовления этой хитрой прически! Но разуберять девчонок она и не думала. Пусть верят в навороченный салон!

Хорошо, что суточный рев никак не отразился на волосах! И, кажется, на фигуре...

Алена придирчиво оглядела себя в зеркало. Да, все в порядке. Все как всегда. У нее нормальная фигура. Не модельная, конечно, но Алена и не думала расстраиваться оттого, что бедра у нее несколько широковаты. Ей никогда не нравились девчонки с мальчишескими фигурами. Алена – особа женского пола, и пусть это видят все! Долой обезличивающий унисекс!

Девочка оторвала глаза от фигуры и опять взгляделась в лицо. Оно оставалось отвратительным. Алена принялась плескать в него холодную воду. Вся облилась, но лучше от этого не стала. Тогда она намочила в холодной воде махровое полотенце, прошла в свою комнату, улеглась на сбитую постель, положила полотенце на лицо и задумалась.

И почему она выбрала в качестве объекта любви Анто́на Шалевича? Разве он лучше других? Вообще-то в Алену влюблены многие, хотя она ничего не делает для этого: не кокетничает, не охает, не ахает, не закатывает глазки и не растягивает томно слова, когда разговаривает с мальчишками. А все почему? Потому что Алене нет никакого дела до тех, в кого она не влюблена. Правда, влюбляется она, надо признаться, довольно часто. А все дело в богатом воображении. Оно позволяет ей преобразовать в героя романа любого, даже самого захудалого, пацана, в сторону которого никто из девчонок и головы-то не поворачивает. Например, в прошлом году Алена была влюблена в Мишу Губерниева, голубоглазого блондина и абсолютно серую личность, перебивающуюся с «двойки» на «тройку». Мишины блондинистость и голубоглазость почему-то вдруг показались ей признаком благородного происхождения и чуть ли не голубой крови. Ей подумалось, что было бы здорово, если бы тупым Губерниев только прикидывался. Например, для того чтобы никто не догадался, что он княжеского рода. Над тем, с какой стати Миша стал бы скрывать такое выгодное во всех смыслах

происхождение, Алена думать не хотела, поскольку это могло одним махом разрушить зарождавшуюся в ее голове красивую легенду.

Разумеется, такую легенду надо было чем-то подпитывать, но сам Губерниев ничего для подпитки не делал. Во-первых, он не знал, что Алена про него напридумывала, во-вторых, был ленив до безобразия и наплевал бы на свое княжество с высокой вышки, если бы для его подтверждения надо было шевельнуть хотя бы пальцем. Миша шевелить пальцами не любил. Он любил сидеть, тупо уставившись на доску, чтобы учителя думали, будто он внимательно их слушает. Алена решила считать это признаком тонкой натуры и мечтательности. В Интернете она нашла изображение красивого молодого человека в бархатном камзоле с кружевами на рукавах и с помощью фотошопа заменила его кудрявую черноволосую голову блондинистой головой Губерниева, которую скопировала со школьной фотографии. Черный камзол очень шел к бледному Мишиному лицу и делал его куда значительнее, чем современная спортивная куртка.

Самым интересным было то, что Алена умела совершенно спокойно жить в мире своих мечтаний без присутствия выбранного объекта. Реальный Губерниев продолжал тупо смотреть на доску на уроках и смачно жевать на переменах куски пищи, купленные в школьной столовой, а Миша, созданный воображением девочки, ездил исключительно на белом коне, а не на автобусе и жил не в соседней девятиэтаж-

ке, а в родовом поместье.

В тот день, когда Мишиному роду был придуман герб в виде шпаги с богато украшенной гардой и обвивающей клинок алой розы, заключенных в венок из дубовых листьев, наваждение прошло. Алена имела несчастье видеть, как в углу школьного гардероба доселе ленивый Губерниев очень энергично тряс деньги с низкорослого и тщедушного пятиклассника Виталика Пряникова. Видимо, на очередной кусок пиццы. Можно было, конечно, придумать, что родовое гнездо князей Губерниевых разорено и деньги у Пряникова Миша берет только на время, чтобы потом вернуть сторицей, но что-то помешало Алене очередной раз отдаться во власть фантазий. Может быть, несчастное лицо Виталика, его дрожащие губы и огромные глаза, полные готовых пролиться слез. В общем, Алене пришлось подойти к вжавшейся в угол паре и сказать Мише:

– Оставь ребенка в покое!

Губерниев развернулся к ней и сквозь зубы процедил:

– А не пошла бы ты...

Никаких точек в Мишином высказывании не было, но Алена никогда не смогла бы повторить то, что он ей сказал. Миф о благородстве его происхождения и тонкости натуры с треском лопнул. Девочке даже показалось, что в лицо ейдохнуло смрадом. Она взяла бедного дрожащего Пряникова за холодную ладошку и увела из гардероба. Спину ей жег злобный взгляд развенчанного князя Губерниева.

С Антоном Шалевичем все было не так. Алена не выдывала ему гербов и родовых поместий. Однажды она вдруг поразилась тому, как глубоко Антон ушел в себя, раздумывая над сочинением на свободную тему, которая свободной только называлась. На самом деле она была строго задана. «Кем я вижу себя в будущем». Разумеется, речь шла о выборе профессии. Алене, которая привыкла жить в воображаемом мире, почему-то никак не удавалось представить себя занятой каким-то серьезным делом. Она запросто могла увидеть себя на королевском балу, на морском дне или даже на другой планете, но никак не во врачебном халате, строгом костюме офисного работника или с пробирками в лаборатории. Алена знала, что после девятого класса она не станет поступать ни в какой колледж, а непременно продолжит учебу в десятом, поэтому у нее еще уйма времени подумать над этим вопросом. Отчаянно скучая, она разглядывала сосредоточенных одноклассников и наткнулась на погруженного в себя Антона. Было очевидно, что он точно знает, чего хочет от жизни. Его лицо было строго и одухотворенно. А еще красиво. Алена никогда раньше не замечала, что Шалевич красив. Она, конечно, знала, что в него влюблены многие девочки, но это не заставляло ее взглянуть на него пристальней. Зачем, когда у нее есть, к примеру, «князь» Губерниев?

Почувствовав взгляд Алены, Шалевич очнулся. Сначала он ответил ей удивленным взглядом, потом по-доброму улыбнулся, подмигнул и склонился над тетрадкой, видимо

записывая то, что только что обдумал. И Алена пропала. Нет, она не стала выдумывать Антону родовых гнезд и «переодевать» в бархатный камзол. Он совершенно неожиданно понравился ей таким, каков есть: в обыкновенном черном джемпере, в джинсах, с коротко стриженными темными волосами и светло-кариими глазами. Это было ново для Алены, а потому несказанно встревожило ее. Она поняла, что все прежние ее «любви» были всего лишь фантазиями на определенную тему, из которых ей не хотелось возвращаться в действительность. С Антоном Шалевичем она мечтала пойти куда-нибудь вместе в родном городе, а не в придуманном королевстве. Например, в кафе «Марс», где продают потрясающие «марсианские» десерты. Или поехать на концерт группы «Скифы». Или просто прогуляться по парку.

Антон Шалевич не знал, что вызвал вдруг такой интерес у Алены, а потому был с ней сдержанно-приветлив, как всегда. Иногда он уходил из школы с Кариной Мелиховой, классной красавицей, и Алена ревновала его к ней до удушья и спазмов от еле сдерживаемых слез. Устав терзаться и ждать, когда Антон заметит ее любовь, она, следуя классическим образцам, решила написать ему письмо. Каким образом оно попало к Каринке, Алена не могла даже предположить. Она почему-то была уверена, что сам Антон не мог отдать его Мелиховой.

Лежа на постели с мокрым полотенцем на опухшем лице, Алена никак не могла понять, куда же девалась ее мучи-

тельная любовь? Ей почему-то стало жалко Антона. А потом опять себя. Состояние нелюбви оказалось еще тяжелее, чем безответная любовь. Внутри Алены будто что-то сдулось и стало донимать сосущей болью, как пустой желудок. Потом вдруг заболело плечо, да так, что голову с мятым заплаканным лицом было не повернуть в сторону. Врач в очередной раз вызванной «Скорой помощи» сделал ей пару уколов и посоветовал родителям отвести дочь к невропатологу. Невропатолог, огромный жизнерадостный дядька, который наверняка никогда в жизни не испытывал ни мук неразделенной любви, ни ее потери, прописал Алене санаторий, куда она и отправилась с большим желанием. Она готова была спрятаться и в безводных барханах пустыни Сахары, только бы не возвращаться в класс. Плечо заболело очень кстати. Санаторий – это то, что нужно ее измученной душе. Хорошо, что обещали одноместный номер. Ей совсем не хочется с кем-нибудь разговаривать...

Запах лаванды, исходящий от покрывала, Алену утомил. Она поднялась с кровати, вытащила из сумки ноутбук, водрузила на стол и, включив, стала ждать, пока компьютер загрузится.

Как жаль, что в жизни нельзя нажать кнопку «delete», чтобы исчезло то, что так мучает и мешает. А еще лучше, если бы можно было нажать «reset» и, перезагрузившись, прожить неудачный отрезок жизни сначала. Заново проживая в нем, Алена ни за что не стала бы писать Шалевичу. И нико-

му не стала бы. Она покончила бы с глупыми мечтами и занялась бы учебой. Например, можно было бы записаться на курсы английского языка. А потом – немецкого или французского... Хотя, конечно, легко придумывать про английский с французским... Куда мечты-то денешь? Они роятся в голове независимо от ее волевых усилий. А вот она возьмет и пойдет завтра в санаторную библиотеку и для начала засядет за английский. Не до мечтаний будет!

Ноутбук мелодичным пиликаньем сообщил, что готов к работе. Алена вызвала страничку «ворда» и написала: «Карина Мелихова». Потом подумала и приписала к ней Антона Шалевича. Рядом, с ожесточением молотя по клавишам ноутбука, выстукала еще одно тяжелое слово: «Любовь». После выделила написанное грязно-голубым цветом и с наслаждением щелкнула по «delete». Лист снова стал белоснежно чистым. Вот с такого белого листа Алена и начнет жизнь заново. В ней не будет места ни пустым мечтаниям, ни напрасным ожиданиям. Алена будет плыть по глади дней легким бумажным корабликом.

2. Виртуальный санаторий

Плыть по глади дней легким беспечным корабликом никак не получалось. С тех пор как куда-то подевалась сумасшедшая любовь к Антону, Алена продолжала пребывать в неустойчивом состоянии растерянности и даже некоторого суеверного ужаса. А что, если она теперь вообще не сможет никого полюбить надолго? А может, и никогда? Может быть, именно эта пустота, образовавшаяся внутри, томит, болит и не дает распрямить плечо. Алена поймала себя на том, что ей все время хочется сжаться, уменьшиться в размерах и забиться в какую-нибудь щелку. И это притом, что она уже успела понравиться одному парню из санатория. Она это сразу заметила. Алена вообще часто вызывала интерес у парней, но редко реагировала на их взгляды. Она сама выбирала, на кого ей смотреть: на печально известного мафиози Мишу Губерниева или на Антона Шалевича. Главное, чтобы без перерыва одна придуманная любовь плавно перетекала в другую. Сердце Алены всегда должно быть занято высоким чувством. Иначе все. Болезнь. Санаторий. Хорошо, что не больница! В санатории, конечно же, есть библиотека, где она непременно... через пару дней... возьмет какое-нибудь пособие по-английскому!

Первый день Алене даже еду приносили в номер. Что-

бы она адаптировалась к обстановке. Так сказал лечащий врач, Иван Сергеевич, огромный широкоплечий и совершенно лысый мужчина. И еще очень веселый. Алена удивлялась, почему все врачи, которые ее лечили, были такими жизнерадостными здоровяками. Разве они в силах понять, что творится у нее в душе? На первой беседе с этим лысым Иваном Сергеевичем Алена призналась только в том, что у нее несчастная любовь, и все. Разве можно кому-то объяснить, что она страдает от потери состояния влюбленности, которое воодушевляло и помогало ей жить?

Сегодня Алена уже завтракала в общей столовой. Ее посадили за стол к двум девчонкам и тому самому парню, который сразу положил на нее глаз. Две соседки по столу, конечно, не выдерживали сравнения с Аленой. Одна была излишне худой и бледной. В вырезе ее футболки некрасиво торчали острые ключицы. Вторая выглядела получше, но тонкие пепельные волосы, убранные в мышиный хвост, ее тоже не украшали.

Парень же был как-то демонстративно некрасив. Не слишком широкие плечи венчала крупная голова, которую еще больше утяжеляли очки в массивной темной оправе. Сильно уменьшенные толстыми стеклами глаза казались мелкими невзрачными рыбками, вроде безликих гуппи. Губы, напротив, были крупными, яркими и резко очерченными.

Та, которая с ключицами, поймав взгляд Алены, устремленный на соседа, как-то странно повела плечами и предло-

жила:

– Давай познакомимся. Меня зовут Марианной.

Алена вздохнула. Марианной – так Марианной... Имя, конечно, к этой блеклой особе совершенно не подходит, но ясно, что она не позволит называть себя, к примеру, Машей.

Алена назвала себя, и тут же откликнулась вторая девочка:

– А я Соня.

После обмена дежурными «очень приятно» пришла пора выступить парню. Он поерзал на месте и односложно произнес:

– Степан.

Имя Алене никогда не нравилось, потому что сразу напоминало детскую книжку про милиционера дядю Степу, но она очередной раз буркнула: «Очень приятно». Что ж, придется звать его только Степаном. До дяди Степы она ни за что не снизойдет.

– А вы давно здесь? – спросила Алена, чтобы хоть как-то выказать свое расположение к сидящим за столом.

– Давно, – многозначительно произнесла Марианна и томно закатила глазки.

– Я вторую неделю, – тут же отозвалась Соня.

– Я тоже давно, – буркнул Степан.

– Ну и как тут? – опять вынуждена была спросить Алена.

– Нормально, – сказала Соня. – Кормят хорошо, врачи хорошие. Вечером обязательно кино. Артисты часто приезжа-

ют. На прошлой неделе был даже сам Влад Ермаков, представляешь!

Алена была приятно удивлена. На этого Ермакова в Петербурге билетов не достать. Вот девчонки позавидуют, когда она им расскажет, что была на концерте самого Влада! Впрочем, вряд ли он второй раз приедет...

– А после кино обязательно дискотека, – продолжала рассказывать Соня.

– Да ну... – не поверила Алена. – Здесь же все больные...

– Что за глупость! – возмутилась Марианна. – Это санаторий, а не больница! Тут отдыхают!

– Во время учебного года – и отдыхают?

– После учебы и отдыхают, – невозмутимо продолжила девочка с острыми ключицами. – Уроки здесь тоже есть.

– Как есть? – Алена опешила. Она не взяла с собой ни одного учебника. Не до того было – только бы уехать поскорей.

– Да это не уроки, а название одно, – поспешила ее успокоить Соня. – Ну... если, конечно, не считать математики. Математичка тут крутая! Надежда Всеволодовна! А на остальных предметах – не напрягают. Лишь бы мы читать и писать не разучились!

– Что, и сегодня будут занятия? – удивилась Алена.

– Конечно, нет! Сегодня же воскресенье! А вот завтра – обязательно!

Степан во время разговора девочек молча ел, уткнув нос чуть ли не в пюре, и лишь изредка бросал на Алену быстрые,

колкие взгляды. Она подумала, что он, наверно, очень плохо видит. Еще бы! Такие бинокляры на носу! И чего линзы не носит? И без того не красавец, да еще и очки уродливые! Посоветовать ему линзы, что ли? Хотя... какое ее дело...

Алена отвела глаза от Степана и тут же наткнулась на неприязненный взгляд Марианны. Странно... Отчего она разозлилась? Не из-за Степана же! Не может же он ей нравиться! Кому такой понравится-то?

– А ты сегодня в бассейн идешь? – спросила неугомонная Соня, и Алена тут же забыла о взглядах Марианны.

– Иду! – радостно откликнулась она. – У меня в санаторной книжке время указано: 16.00.

– Я и не сомневалась, что 16.00. Те, кто сидит в столовой за этими четырьмя столиками... – Соня описала рукой широкую дугу, – в бассейн ходят только в четыре.

Глаза Алены, видимо, были такими удивленными, что девочка продолжила свои объяснения:

– Понимаешь, бассейн тут небольшой. Дорожки всего по семнадцать метров в длину. Если всех отдыхающих одновременно запустить, он из берегов выйдет. А ты ведь живешь на втором этаже, в угловом номере?

– Да, – вынуждена была согласиться Алена.

– А мы все рядом! И в столовой за одним столиком, и на процедуры вместе ходить будем. Видимо, работникам санатория так удобнее. Вот проверь по книжке: у тебя наверняка в одиннадцать часов лечебная физкультура, а в двенадцать –

ванны!

Алена достала из кармана джинсов санаторную книжку. На одиннадцать часов была назначена именно лечебная физкультура, а на двенадцать – жемчужная ванна.

– А может, не ходить на эту физкультуру... – раздумывая, проговорила Алена. – Ну ее... Чего я там не видела?

– Ты, конечно, как хочешь, но многие ходят. Инструктор такая прикольная, Марина Максимовна. Шутит все время, а мы хохочем!

– Детский сад! – презрительно проговорила Марианна.

– Ты не ходишь? – спросила ее Алена.

– Хожу. Степан убедил меня, что не стоит пренебрегать тем, что нам предоставляют по путевке. Деньги-то уже заплачены. Пусть эта Марина Максимовна отрабатывает положенное. Но смеяться над ее дурацкими шуточками не собираюсь.

Алена с удивлением посмотрела на Степана, который был очень увлечен бутербродом с сыром и даже не подумал поднять от него глаз.

– А вы, Степан... – Алена сама удивилась, почему вдруг обратилась к парню на «вы», – манную кашу тоже едите?

– В смысле? – буркнул удивленный парень.

– А в том смысле, что манная каша – ужаснейшая гадость, но ею наверняка здесь кормят часто, а значит, надо ее есть, поскольку заплачено. Так?

– А я люблю манную кашу, – ответил Степан, и стекла его

очков, как показалось Алене, угрожающе блеснули. Она не нашла, что ему на это ответить, а потому решила поскорей закончить завтрак.

В коридоре ее догнала Соня.

– Ты лучше с ним не связывайся, – сказала она.

– С кем? – Алена прекрасно поняла, о ком идет речь, но специально спросила небрежно, будто ее никак не задела любовь Степана к манной каше.

– Понятно, с кем! С Кардецким!

– А Кардецкий... это кто?

– Брось, Аленка, изображать, что ты ничего не понимаешь! – возмутилась Соня. – Кардецкий – это Степан и есть!

Алене не очень-то понравилось такое панибратское к ней обращение, но она сделала вид, что не заметила, как девочка, которую она впервые видит, назвала ее Аленкой.

– А почему с ним нельзя связываться? – спросила она.

– Потому что умный очень. У него на все есть ответ.

– Ага! Умный! Что ему еще остается делать! Только умничать!

– Ты о чем? – Соня даже приостановилась.

– А теперь ты прекрати изображать, что ничего не понимаешь! – возмутилась Алена. – Что еще такой страхолюдине, как ваш Кардецкий, остается делать, кроме умничания!

– Почему страхолюдине? – удивилась Соня, и Алене показалось, что очень искренне. – Конечно, он не красавчик с журнальной картинки, но мужчины, если хочешь знать, та-

кими и должны быть!

– Какими?

– Такими! Презирать шмотки, внешний лоск! Они должны брать интеллектом!

– Ого! Какие слова! – восхитилась Алена. – Наверно, он и научил?

– Я и сама не дура!

Алене показалось, что Соня на нее обиделась, а потому примиряюще сказала:

– Ладно, не злись! Может, я чего у вас тут еще не поняла. Считай, у меня сегодня первый день. Покажи лучше, где твой номер!

– Номер не такой уж мой, – ответила Соня, и Алена увидела, что она вовсе не сердится. – Мы вдвоем с Марианкой живем. А ты, наверно, одна?

– Одна.

– А можно посмотреть, как у тебя там все устроено? В следующий раз попрошу родителей, чтобы тоже взяли мне одноместный номер. С этой Марианкой – с ума сойдешь!

Алена решила ничего не уточнять про Марианну, которая ей тоже не слишком понравилась. Она открыла дверь ключом и пригласила Соню войти.

– Вот здорово! – восхитилась та, сразу сунув нос в санузел. – Даже ванная есть! А у нас только душ!

Потом она вихрем пронеслась в комнату и еще громче крикнула:

– И ноутбук имеется! С ума сойти! Это ж сколько твой номер стоит?

– Честно говоря, не знаю, – смутилась Алена. – Родители платили, не я. А ноутбук мой. Личный. С собой привезла.

– Все равно здорово! У нас тут есть интернет-кафе, но компов немного, и вечно заняты. За Интернет еще и платить надо, а у меня денег мало.

Соня села в кресло, и ее пальцы погладили крышку ноутбука. Ей явно хотелось его открыть, но она только спросила:

– А у тебя выход в Интернет есть?

– Есть, – ответила Алена. – Мне отец недавно купил беспроводной модем. Вот гляди! – И она вытащила из компьютерной сумки небольшое устройство в форме флеш-карты.

Соня посмотрела на модем с большим уважением и сказала:

– А хочешь, я тебе виртуальный санаторий покажу?

– В смысле? – отозвалась Алена в стиле Степана Кардецкого.

– Включай ноут! Сейчас все увидишь!

Пока компьютер загружался, Соня начала рассказывать:

– Тут, в санатории, как-то парень один лечился. Компьютерный гений. Создал неофициальный сайт. Ну... то есть не такой, где про цены и услуги, а... даже не знаю, как сказать... В общем, сейчас увидишь...

Как только Алена вышла в Интернет, Сонины пальчики побежали по клавиатуре. Через несколько минут на монито-

ре появилась голубая заставка с надписью: «Подождите конца загрузки». Рядом с ней быстро мелькали цифры, сообщающие, сколько секунд осталось ждать. После того как на экране слегка задержался ноль, раздались музыкальные переливы, и перед глазами девочек появились ворота санаторного парка.

– Поставь курсор в центр ворот, – предложила Алене Соня.

Алена не замедлила это сделать. Ворота моментально распахнулись.

– А теперь осторожно води курсором по дорожке!

Дорожка тут же задвигалась. Через минуту слева выросло здание.

– Это бассейн! – пояснила Соня. – Видишь, какие огромные окна! А если чуть заберешь вправо – появится лечебный корпус! Ага! Вот он! А это столовая! Узнаешь?!

– Узнаю, конечно... – довольно презрительно бросила Алена. – Только что в этом интересного?

– погоди! Сейчас дойдем до жилого корпуса, и все поймешь!

Ждать пришлось недолго. Дорожка уперлась в кирпичное четырехэтажное здание.

– Ну и что дальше? – нетерпеливо спросила Алена.

– Открывай дверь!

Алена уже сама догадалась, что курсор надо поставить в центр двери. Они открылись.

– Ну а теперь двигай к лифту... Вот... Теперь нажимай на любой этаж... Давай на наш съездим! Ага! Правильно, сюда, а теперь кликай мышкой! Вот мы уже и в лифте! Та-а-ак... Второй этаж... Выходим... Видишь, наш коридор?

– Вижу, конечно, но все равно не понимаю, что за прикол бродить по виртуальному санаторию! С таким же успехом можно ходить по настоящему!

– Да?! А ну-ка подходи к своей собственной двери!

– Пожалуйста... – ответила Алена, и курсор скоро уперся в дверь ее виртуального номера. На двери вспыхнула красная лампочка. Девочка повернула удивленное лицо к Соне и спросила: – И что это значит? На моей двери нет никаких красных ламп!

– Этот огонек означает, что в твоём номере работает комп!

– Да ну!

– Вот тебе и да ну! Нажми на ручку двери!

Алена уже с интересом подвела курсор туда, куда велела Алена. Виртуальная дверь растворилась, и глазам девочек предстала комната. Обстановка была точь-в-точь такая же, как в настоящем номере. На столе работал ноутбук.

– Вот интересно, откуда этот ваш компьютерный гений узнал, что здесь именно ноут, а не комп? – удивилась Алена.

– Ну даешь! Все знают, что компы только в интернет-кафе. А если в номере что-то есть, то именно ноут! Теперь, раз вошла на сайт, можешь, если хочешь, подключиться к общей

сети.

– И зачем это надо? Узнавать, какая каша будет на завтрак?

– Насчет каши не знаю, а вот связаться с любым номером, где есть компьютер, это запросто!

– Нужно снова в коридор выходить и искать красную лампочку на двери?

– Можно и так, но есть способ проще. Кликай на экран рисованного компа!

Алена так и сделала, и мгновенно всплыло окно с номерами этажей здания. Девочка уже без подсказки Сони кликнула на номер два. Следующее всплывшее окно показало номера комнат. Возле некоторых мигала красная лампочка.

– Это означает, что в этих комнатах есть компьютеры? – решила уточнить Алена.

– Да, но мигают только включенные.

– Немного.

– Конечно, немного. Во-первых, не у всех есть ноутбуки. А во-вторых, не всем родители позволили его взять с собой. Марианка сказала, что дома у нее тоже есть ноут, но сюда его брать родители не разрешили. К тому же Интернет – это опять же лишние деньги...

– Я правильно понимаю, Соня, что могу с кем-то здесь общаться? – опять спросила Алена.

– Ну да! Со всеми, у кого тут есть компы! Даже не надо знать электронный адрес человека. Набираешь номер ком-

наты, и все!

– Здорово! – вынуждена была согласиться Алена. – Жаль, что у вас с Марианной нет компа, я ведь здесь никого больше не знаю.

– Степочку-то знаешь! Он в 206-м номере живет. В другом конце коридора – парняцкие номера. У него такой же, как у тебя, одноместный номер, только с другой стороны здания. Видишь, огонек мигает. Сидит Степочка в инете! Хочешь, зайдем?

Алена смутилась:

– Да ну его!

Соня настаивать не стала.

– Как хочешь. Главное, ты теперь знаешь, как это сделать, если с кем-то еще познакомишься. А мы ведь и так можем общаться, верно?

– Конечно, – согласилась Алена.

Соня достала из кармашка джинсов мобильник, посмотрела на часы и заторопилась.

– Ой! Мне пора! – сказала она. – У меня сейчас ингаляции, а без пятнадцати одиннадцать я могу за тобой зайти – пойдем в спортзал. Ну... если, конечно, ты хочешь...

– Пошли, – согласилась Алена и рассмеялась. – Раз уж родители заплатили, чего ж пренебрегать!

3. Заплыв века

Занятия лечебной физкультурой Алене понравились. Они проходили под современную музыку и были несложными. Девочка без особого труда выполняла упражнения. Даже больное плечо слегка разработалось, а потому она пребывала в хорошем расположении духа. Инструктор Марина Максимовна действительно оказалась большой юмористкой. Ее шутки вовсе не были глупыми или плоскими. Алена с удовольствием смеялась и с недоумением поглядывала на Марианну, которая зачем-то хмурилась и манерно закатывала глазки. Иногда Алена бросала взгляд на Степана Кардецкого. Он выполнял упражнения как робот. Без усилий, но и без легкости. Как и Марианна, он ни разу не улыбнулся. Алена про себя назвала этих двоих странными товарищами и принялась разглядывать других. Ее внимание привлек высокий брюнет с длинными, небрежно рассыпавшимися по плечам волосами. Неужели и у этого парня какие-то проблемы? Наверняка! Иначе что ему делать в санатории? Фигура спортивная, движения уверенные... Ясно, что он запросто справился бы и с более серьезной нагрузкой...

Парень почувствовал взгляд Алены и повернул к ней лицо. Оказалось, что у него еще и глаза красивые. Наверно, именно о таких говорят, что они с поволокой. Ресницы каким-то удивительным образом закрывают половину глаз.

Очень необычно. Правда, губы у парня несколько тонковаты. Может, из-за этих губ его и не полюбила какая-нибудь красавица? Хотя, с чего она, Алена, взяла, что его кто-то не полюбил? Ерунда какая... Да, но ведь он почему-то попал в санаторий! Ну... мало ли... Может, у него горло больное, и он тоже ходит на ингаляции, как Соня. Не всех же сюда запихал невропатолог!

Вот у Кардецкого явные проблемы! И у Марианки! Есть смысл держаться подальше от них и их проблем. Своих хватает! Хорошо, что Соня кажется вполне нормальной. И этот парень, с поволокой в глазах, тоже, наверное, в норме. А тонкие губы – это ерунда! Губы его не слишком и портят.

Когда после физкультуры девочки шли к лечебному корпусу, Алена спросила:

– А кто этот парень? Такой... с глазами... Высокий...

Соня поняла сразу, о ком идет речь:

– Это Володя Измайлов. Красивый, да?

– Ну... ничего... Глаза необычные. В него, наверно, все здешние девчонки влюблены, так?

Соня приостановилась и, внимательно посмотрев на Алёну, ответила:

– Разве ты еще не поняла?

– А что я должна понять?

– Здесь все хотят заслужить внимание Кардецкого.

– Да ну? – изумилась Алёна и тоже приостановилась. –

Этого... этого... крокодила с микроскопами на глазах?

Соня только на миг растерялась, но она быстро взяла себя в руки и сказала совсем о другом:

– Пошли быстрее, а то опоздаем!

– Нет, ты мне сначала все-таки ответь, что вы нашли в этом Кардецком! – Алена вовсе не собиралась сдаваться.

Соня покусала губы и ответила:

– Это сразу и не объяснишь. Он умный, талантливый. Не такой, как все остальные. Ты видела, какой у Измайлова спортивный костюм?

– Какой? – Алена удивилась, что разговор вдруг перескочил на Володю.

– Такой! Фирменный! Прямо смотреть противно! Наверняка сумасшедших денег стоит!

– И что? – еще больше удивилась Алена. В их классе фирменные вещи только добавляли уважения.

– А то, что Степану наплевать на тряпки! На все эти фирменные знаки! Он совершенно другим занят! Он настоящий мужчина, а не какой-то... плейбой!

– И чем же таким важным занят ваш Кардецкий?

– Вот... ты узнаешь его поближе, и сама все поймешь!

Выпалив это, Соня уже молча пошла вперед. Алена, пожав плечами, поплелась за ней следом.

Соня настолько заинтриговала Алену, что она думала о Кардецком весь день. Например, вместо того чтобы насла-

ждать жемчужной ванной, где вода пузырилась тысячью перламутровых пузырьков, Алена на бортике выстукивала ноготками какой-то марш, потому что внутренне продолжала спорить с Соней. Что может быть хорошего в парне, который ходит с прокисшей физиономией, будто только что вылез из переполненного автобуса, где ему отдавили ноги и оторвали парочку пуговиц? Разве стоит так демонстративно показывать всем свое презрение к окружающим и тыкать в лицо своим превосходством? Да и есть ли оно, это превосходство?

Выйдя из ванной комнаты, Алена дала себе слово больше не думать о Степане, но он тут же попался ей на глаза и ожег таким взглядом, что девочка окончательно удостоверилась: она ему нравится. Очень нравится. Но она – не Соня и не Марианка! Ей противно смотреть на жеванные джинсы и детский свитерок парня, не говоря уже о старицкой оправе его очков. Еще Пушкин сказал, что быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей! Понятно, что речь он вел не только о ногтях. Если уж ты умный человек, то способен понять, что твой внешний вид не должен оскорблять эстетическое чувство окружающих. Даже если по какой-то причине нельзя носить линзы, то оправу уж можно купить помоднее. Не такие уж оправы и дорогие. Аленина старшая сестра Наташа недавно купила себе очень стильные очки за четыреста рублей. Кардецкому можно бы и подешевле подобрать. Стоит только захотеть! Впрочем, какое ей дело до очков это-

го дяди Степы! Пусть носит, какие хочет...

Но едва Алена забывала о соседе по столу, как он тут же попадался на глаза, и думы о нем одолевали ее снова. Она попыталась поразмышлять о Володе Измайлове с его ресницами, но не тут-то было! Толстые линзы очков Кардецкого доставали ее везде. Степан почему-то оказывался именно в том месте, куда она направлялась. Его она видела между стеллажами в библиотеке, где взяла почитать отнюдь не пособие по-английскому языку, в магазине с сувенирами, возле киоска с шоколадом.

Перед обедом, уже находясь у себя в номере, Алена включила ноутбук. Вообще-то она собиралась отправить письмо школьной подруге Лариске, но вместо этого почему-то зашла на сайт виртуального санатория. На дверях ее номера «висела» записка: «Вам пришло письмо». Алена кликнула на эту надпись, и тут же всплыло изображение конверта с надписью: «Из номера 206». Девочка почувствовала, как по коже у нее пробежал мороз. Она очень удивилась этому, передернула плечами и «распечатала» письмо. Там было написано: «Ты мне нравишься». Мороз прошелся по ее коже еще раз. Алена тряхнула головой, чтобы отогнать наваждение, и сказала вслух:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.